

УДК 392.1(470.67)

ТРАДИЦИОННОЕ ПИТАНИЕ РОЖЕНИЦЫ И НОВОРОЖДЕННОГО У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Мусаева М.К.

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия (367030, Дагестан, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75), e-mail: majsarat@yandex.ru

В статье показаны послеродовые традиции, связанные с кормлением грудного ребенка и питанием самой роженицы у народов Дагестана и Северного Кавказа. Анализируются с привлечением полевого материала и имеющейся литературы по разным народам региона, не только традиционные обычаи, обряды, сопровождавшие кормление роженицы и ребенка (специальные блюда для ускорения лактации рожениц, процесс кормления ребенка грудью, правила, соблюдавшиеся при первом кормлении младенца и др.), проверка качества грудного молока, подбор продуктов для его улучшения; правила подбора кормилиц для новорожденного, искусственное вскармливание, сроки грудного кормления, но и поверья, суеверия, запреты, а также рациональные и магические действия, связанные с наличием или отсутствием грудного молока, здоровьем роженицы и ребенка.

Ключевые слова: этнография детства, Дагестан, Северный Кавказ, традиции грудного вскармливания, поверья, суеверия, здоровье ребенка и роженицы.

TRADITIONAL NUTRITION OF A WOMAN RECENTLY CONFINED AND A NEWBORN OF THE PEOPLE OF DAGESTAN AND THE NORTH CAUCASUS

Musaeva M. K.

The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Daghestan, Russia. (367030, Makhachkala, Yaragsky str., 75), e-mail: majsarat@yandex.ru

The article shows post-natal traditions associated with infant feeding and nutrition of the mothers of the people of Daghestan and the North Caucasus. By mean of field materials and existing literature on the various region nations, there are analyzed not only the traditional customs, rituals that accompany feeding process of a woman recently confined and a child (special meals that provides acceleration the maternal lactation, the process of a breast-feeding, rules followed during the first baby feeding, etc.), the quality of breast milk checking and selection of products to improve it; principles of a nurses selection, bottle-feeding, terms of a breast-feeding, but also beliefs, superstitions and taboos, and also rational and magical actions connected with the breast milk availability, the health of a mother and a newborn baby.

Keywords: childhood ethnography, Daghestan, the North Caucasus, traditions of the breast feeding, beliefs, superstitions, the health of a baby and a mother.

В послеродовом комплексе детского цикла народов Дагестана и Северного Кавказа огромное значение имело питание роженицы, от которого зависело качество молока, а соответственно здоровье ребенка.

После родов роженицу следовало сразу же накормить специальной пищей, которая по народным представлениям, способствовала как восстановлению сил, затраченных на родовые усилия, так и внутреннему очищению. Очень часто, узнав о начинающихся родах, близкие родственницы, соседки начинали готовить чаще всего специальную ритуальную пищу, предназначенную для такого случая, или же какое-нибудь блюдо преимущественно легкое для поедания, но жирное. У каждого народа были свои предпочтения. В частности, у народов Дагестана почти повсеместно предпочитали кормить роженицу теплыми жидкими кашами, обильно заправленными маслом, медом и урбечем (кашица из прожаренных зерен

льна-кудряша). Как считалось, такая каша хорошо очищает организм, питательна и способствует повышению жирности молока. В первые 2-3 дня эта каша становилась основной пищей роженицы. У лакцев (с. Вихли – совр. Кулинский р-он.), например, женщину после родов кормили супом из солода – «*Куттал накль*», без хлеба, добавив масло и сахар и хинкалом с чесноком («*кумли гъавккури*») [8, с.16; 7, с.54]. Кроме того, роженице для того, чтобы набраться сил, рекомендовалось съесть яичницу, выпить горячего молока. У тех же лакцев (с.с. Цовкра 1, Кули, Хосрех) роженицу кормили пельменями из кукурузной муки с добавлением пшеничной, с самой разнообразной начинкой, но обязательно с добавлением кусочков курдюка и яиц [8, с.116]. У кумыков, терекменцев кормили яичницей, горячим молоком. У них обязательно положено было роженице предложить и чего-нибудь сладкого. Чаще всего предлагали съесть 1-2 ложки меда. В летнее время у кумыков, терекменцев могли предложить и сладкие фрукты.

У народов Северного Кавказа, соседки, узнав о благополучном исходе родов, тут же заходили с поздравлениями и приносили с собой угощение для роженицы. Посещая роженицу, знакомые женщины приносили лучшие кушанья местного приготовления. У чеченцев и ингушей женщины (родственницы, соседки) приносили для роженицы, не только приготовленное блюдо, но и продукты для приготовления еды, такие как куры, яйца, масло [2, с.6]. Такие посещения воспринимались, как желание обеспечить роженицу хорошей пищей, способствующей увеличению качественного молока, соответственно, нормальному развитию ребенка. В посещениях роженицы родственницами и соседками, не у всех народов все было однозначно. У осетин, например, не от всякой посетительницы роженица могла позволить съесть принесенное, опасаясь, как бы не послал чего «колдун» или другой недоброжелатель, и не лишил бы ее способности рожать детей. Пища, чаще всего это была жидкая каша из муки, замешанная на молоке – «*цымгае*», в которую клали много поджарки из говяжьего жира. Очень полезным для роженицы считали блюдо из отвара солода – «*заддон*». Для его приготовления ячменный солод разводили холодной сырой водой и кипятили до тех пор, пока солод не отделялся от воды. Затем отвар заправляли говяжьим жиром. Кашу залитую этим отваром («*задыл цымгае*») давали и роженице, у которой долго не выделялся послед, полагая, что этот отвар способствовал более быстрому его отделению.

У адыгов первые дни за ребенком и роженицей присматривала повитуха, а также опытная женщина из числа родственников мужа. Их окружали вниманием и соседки, в чьи обязанности по традиции, входило передавать для роженицы котелок горячего молочного супа из пшена или кукурузы, лепешки, пироги, пеленки. Этот суп так и назывался – «суп для роженицы» (*фыз лъхуа хъэнтхъус*) [1, с. 221]

У балкарцев так же, роженице после родов давали теплую жидкую кашу из муки (*худур*), заправленную маслом или козьим жиром. Теплая жидкая пища, по мнению опытных женщин, способствовала скорейшему очищению от последа и появлению грудного молока. Следили за тем, чтобы роженица пропотела.

В целом, имеющийся в наличии некоторый полевой, а также опубликованный исследователями материалы, позволяют прийти к выводу, что жидкая мучная каша с медом и маслом, а также яичница, несмотря на известное разнообразие меню народов Дагестана и Северного Кавказа, являлись основными составляющими в питании рожениц в первую неделю после родов.

Особое значение придавалось первому кормлению ребенка, с ним были связаны ряд обычаев и поверий. Если у народов Дагестана в большинстве случаев ребенка в первый раз старалась накормить сама мать, и желательно молозивом, то у народов Северного Кавказа ребенка на кормление к матери приносили не раньше чем через день. В Дагестане только у ногайцев можно усмотреть, известную многим северокавказским народам, одну из форм установления искусственного родства [9, с.68] – первое кормление грудью должна была осуществить соседская женщина, с которой договаривались заранее. Женщина должна была обладать отменным здоровьем, хорошим характером, быть счастливой в браке и иметь крепких, здоровых детей. Если судить по благопожеланиям, которые произносились во время первого кормления: «*Сенин йолынды, наьсибинъын Алла берсин*» (Пусть Аллах даст ему твою дорогу, счастье) – по представлениям ногайцев, ребенок должен был приобрести в жизни эти же свойства и качества, стать похожим на женщину, которая впервые его накормила грудным молоком. Между женщиной, ее детьми и семьей новорожденного устанавливались близкие отношения – она становилась молочной матерью ребенка («*авызландырган анна*»), а ее дети и новорожденный – молочными братьями («*суьтлеслер*»).

Приблизительно то же можно было наблюдать у балкарцев. Первый раз кормила новорожденного не мать, а кто-то из родственниц, желательно из патронимии отца новорожденного. Для ребенка она становилась *сют ана* (молочной матерью). Важно было, чтобы эта женщина отличалась соблюдением этикетных норм и высокими моральными качествами. Если среди присутствующих не было кормящей женщины, то кто-то из них давал младенцу пососать свой палец, предварительно обмакнув его в медовый сироп. Это делалось, как считалось, чтобы новорожденному не свело скулы (*тишиккен*) и он смог бы взять в рот материнскую грудь. Между семьями роженицы и аначы, равно как и сют ана, браки не допускались, поскольку возникало искусственное родство.

Само кормление новорожденного, как считали, следовало начинать с прикладывания ребенка правой грудью, чтобы ребенок стал правшой. По представлениям, первой струйкой

молозива следовало новорожденного, особенно девочку, умыть, чтобы кожа была чистой, белой, гладкой и приобрела здоровый цвет. Если у матери или кормилицы молока было много, об этом вслух никогда не говорили, считали что могут сглазить, что оно «сгорит» или «высохнет». Если вдруг приходилось лишнее молоко сцеживать, его нельзя было выливать в грязное место, ни в коем случае, где до него доберется кошка, иначе считали, молоко у роженицы пропадет, исчезнет. Когда же молока не хватало или его не было вообще, пытались помочь разными способами, как магическими, так и рациональными. Как и при трудных родах, роженица пила воду с листочками бумаги, на которых была написана молитва; свекровь поливала правую грудь теплой водой, в которую бросала горсть белой муки. Считали, что медленно по груди текущая, слегка от муки побелевшая вода, вызовет движение молока, и оно появится или «вернется», если пропало. Для этой же цели рекомендовали напоить роженицу водой, собранной из трех источников. У балкарцев и карачаевцев, например, если у кормящей матери пропадало молоко, лекарством считалась вода из 7 родников. Ею, предварительно слегка подогретой, обмывали груди, медленно, через шумовку, поливая сверху вниз. Существовала и иная, рациональная практика для увеличения количества молока у матери. Полагали, что это зависит от пищи, которую она принимает. К числу продуктов, способствующих прибавлению молока, относили, безусловно, молочные продукты, горячие супы из чечевицы с молоком и тыквой, вареную пшеницу с молоком и маслом, жидкие каши из солода и пшеничной муки, щедро заправленные жареным животным жиром. Эти же супы, с ореховой заправкой, рекомендовали употреблять в пищу при недостаточной питательности молока.

Однако, если у роженицы не было молока и оно, несмотря на все старания, не появилось, брали кормилицу, если такая возможность была. Но при этом старались учитывать, какими качественными характеристиками обладает женщина – добропорядочность, опрятность, здоровье и т.п. Считалось, что через молоко передаются все привычки, характер кормящей женщины, даже соблюдение или несоблюдение необходимых и принятых в данном обществе традиций. Неслучайно сейчас многие информаторы в Дагестане связывают безнравственность некоторой части молодежи, имеющей «современные вредные привычки» с искусственным кормлением, с тем, что эти новомодные смеси и заменители грудного молока не в состоянии передать ребенку этнокультурные традиции на генетическом уровне.

У большинства народов Дагестана и Северного Кавказа, если семья не могла отдать ребенка семье аталыка (воспитателя) или же нанять кормилицу, через неделю, в лучшем случае через 40 дней, ребенка переводили на разбавленное коровье и козье (предпочтительно) молоко. У чеченцев, к «искусственному» вскармливанию *«mlarvmala*

яо», прибегали крайне редко. Предпочтительнее было приглашать на кормление родственницу или соседку, у которой в это время имелись грудные дети. Такая женщина становилась «молочной матерью», а ее родные дети «молочными братьями» или «молочными сестрами» ребенка. Такое родство нередко считалось даже ближе кровного [11, с.96]. Как правило, родственница кормила ребенка 3-4 месяца. Затем переводили его на козье или коровье молоко, подкармливали жидкой кашей из кукурузной муки, с 5-6 месяцев давали сосать как соску кусочек бараньего курдюка «дума». У осетин так же к искусственному вскармливанию прибегали не очень охотно, но если это случалось, то ребенка кормили молоком коровы, преимущественно одной и той же. Спустя несколько месяцев, ребенка уже прикармливали через соску, надетую на рожок специальной смесью, сваренной из муки и молока. Соска и рожок были домашнего изготовления. Рожок делали из обработанного коровьего или бычьего рога – «сыкъа», с которого срезали наиболее узкую часть, а затем надевали на него соску – «сываедаег», сшитую из наиболее мягкой части бараньей или козьей кожи, чаще всего из кожи вокруг соска. Иногда использовали для этой цели и сам сосок. Соску надевали на рожок, закрепляли ее тесемкой из кожи или просто веревочкой и, по возможности, старались менять чаще. Для того, чтобы пища ребенка сохранялась в теплом виде более продолжительное время, рожок держали в теплой золе [3, сс.35-36].

Очень радовались, если ребенку, как говорили, «подошло» не грудное молоко или дополнительное питание. Если же выше перечисленные и иные чрезвычайные обстоятельства приводили к тому, что младенца вскармливала другая женщина, между ним и ребенком кормилицы возникала особая форма родства, о которой мы говорили выше – «молочное родство», результатом которого становились близкие отношения, исключавшие брачные связи.

К сожалению, нет сведений о продолжительности сроков кормления у большинства народов Северного Кавказа. Во всяком случае, карачаевский, балкарский и чеченский материал свидетельствуют, что иногда грудным молоком, особенно мальчиков, кормили довольно продолжительно. Хотя в норме, по представлениям считалось правильным кормить не меньше года. В частности, М. Кучмезова относительно балкарцев пишет: «Примерно до годовалого возраста ребенка кормили материнским молоком. Наши информаторы не помнят, что ребенка прикармливали коровьим молоком. Кормя грудью, к 6-7 месяцам прикармливали еще жидкой мучной кашцей. Изысканным лакомством считали костный мозг, который иногда давали ребенку. К 7-8 месяцам ребенку давали в руки кусочек мяса или хлеба. В детской лексике они называются *жичча*, *банну*» [6, с. 87].

У осетин кормить ребенка грудью старались до 2-3 лет, бывали случаи и более продолжительного кормления. Срок кормления часто зависел от того, как скоро наступала следующая беременность, т. е. мог быть значительно короче рекомендуемого срока – частенько это случалось и на первом году жизни ребенка. Если, таким образом, у самой матери по какой-либо причине не было возможности продолжить грудное вскармливание, то ребенка кормила другая женщина, у которой тоже был грудной ребенок. Ею могла быть родственница, соседка, а в большой семье и другая невестка.

У народов Дагестана повсеместно считалось, что ребенок, не получивший материнского молока хотя бы 40 дней, вырастет болезненным. Аварцы, например, говорили: что «это ребенок, которому не досталось молозиво» (*«цлва цвечлеб льимер»*). Помимо этого, было представление, что ребенок, сполна (1 – 1,5 года) вскормленный матерью грудным молоком, острее ощущает свою принадлежность к семье, тухуму [7, с. 59]. Вообще следует сказать, что в Дагестане имеются сведения, что мальчиков кормили грудью иногда почти до 5-6 лет [5, с. 97].

Длительное вскармливание детей грудным молоком имеет широкие параллели на Кавказе, в частности, Ю.Карпов пишет: в «горных районах Грузии было принято кормить мальчиков грудью в 1,5-2 раза дольше, чем девочек, а «желанного» сына «на радостях» кормили и до 5-7 лет. В таком случае женщина говорила примерно следующее: «Столько времени буду кормить грудью, чтобы, устав от игры с детьми, прибежал ко мне, пососал грудь, а потом опять убежал играть с луком и стрелами». В литературе описаны сценки, где мальчики, уже активно помогавшие по хозяйству, приходили с поля к матери для того, чтобы она покормила их грудью, а затем вновь возвращались на работу» [4, с.193]. Известен и пример, когда после гибели мужа женщина «в знак уважения» кормила сына 7 лет [10, с. 72].

Как при грудном, так и при искусственном вскармливании определенного режима кормления ребенка не было. Кормили его, как только он просыпался или начинал плакать.

Методы отлучения ребенка от груди и у народов Дагестана, и у народов Северного Кавказа были идентичными: для того, чтобы отнять ребенка от груди, мать натирала перцем, чесноком, полынью сосок и, ребенок, обжегшись при попытке сосать грудь или, почувствовав горечь, в дальнейшем сам отказывался от нее. Иногда, если эти методы не помогали, ребенка запугивали: приклеивали при помощи древесной смолы к груди кусок черной бараньей или козьей шерсти, мазали грудь сажей и т. д.

Ребенок, пока был на грудном вскармливании, находился вместе с матерью в комнате брачной пары. Как только ребенка отнимали от груди, его обычно отделяли от матери и укладывали в другой комнате, чаще всего с бабушкой. Иногда дети (особенно девочки) находились при матери до 8-10

Таким образом, материалы, собранные у народов Дагестана, литература, существующая у народов Северного Кавказа, показывают, что режим кормления грудного ребенка, блюда, которыми кормили рожениц для хорошей лактации и качества молока, были повсеместно практически идентичным. Кормили ребенка, не вынимая из люльки, причем, матери нельзя было кормить ребенка в присутствии свекра или других мужчин-старших родственников мужа. Вообще, обнажать грудь для кормления нельзя было и при женщинах, и при дневном свете, даже если никто при кормлении ребенка не присутствовал, поскольку считалось, что от воздействия «дурного глаза», зависти «небожителей», «гнева Всевышнего» грудное молоко может пропасть или свернуться, т.е. поверья и суеверия вокруг кормления детей грудным молоком так же находят много общего.

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ (№13-01-00079)

Список литературы

1. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. – М.: РУДН, 2003. – 272 с.
2. Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. 9. Владикавказ, 1876. – С. 1- 21.
3. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин (Этносоциологическое исследование). – Владикавказ: Газетно-журнальная типография, 1994. – 114 с.
4. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 419 с.
5. Курбанов М-З. Ю. Традиционное питание, связанное с рождением ребенка у даргинцев // Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.). Махачкала, 1990. – С. 94-97.
6. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 214 с.
7. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 240 с.
8. Рамазанова З. Б. Пища народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX вв. (классификация форм и анализ факторов сложения и развития). – Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 2003. – 132 с.
9. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – 265 с.
10. Соловьева Л.Т. Грузия. Этнография Детства. – М.: Типография российской библиотеки, 1995. – 130 с.

11. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1913. – 194 с.

Рецензенты:

Алимова Б.М., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала;

Гимбатова М.Б., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.